

Поднимался Мих осторожно, подолгу останавливаясь и прислушиваясь к звукам наверху. Издали это казалось презабавным: огромных размеров ордынец (тем более что для прочей резвости мундир и сапоги пришлось снять) крадется подобно кошке, завидевшей легкомысленного голубя. К чести филеров и прочему разномастному люду, по внешнему виду к полицмейстерству имевших самое дальнее отношение, но все же являвшихся подчиненными Николая Соломоновича, двигались они тоже бесшумно. Единственный раз под кем-то скрипнула половица, но тут же выпрямилась и больше на окаянную никто не ступал.

Шел орчук первым, представляя собой, по словам Витольда Львовича, «орудие таранного типа». Далее, на почтительном расстоянии, следовали сначала Меркулов с полицмейстером, а только потом уже все остальные. Развернуться на лестничном подъеме не представлялось возможным, с трудом одновременно двое встанут да только мешаться друг другу будут. Единственная допустимость для маневра – площадка, где квартиры располагались, вот туда и надобно было добраться бесшумно, а потом уже все начнется.

План Николай Соломонович изложил быстро, благо опыта у него на двоих имелось. Мих все то время на Меркулова глядел, тот хоть и молод, да мнение свое по каждому вопросу имеет, а разумения на целый университет, если не боле. Но и Витольд Львович со всем согласился, единственное, орчука на острие штурма выдвинув. Только полукровка воодушевился и обрадовался, тут же его будто водой колодезной и окатили. Вся его задача оказалась простой и незамысловатой: одним движением выбить дверь, а потом отступить назад, дав простор летучему отряду. Дескать, нерасторопен будет орчук в крохотной квартире, точнее, как поведал владелец, комнате.

Мог бы поспорить с тем Мих, да не стал, коли уж хозяин решил, так и будет. Уверен был Меркулов в успехе операции, уговорил ко всему прочему под окна не двух людей выставить, а четырех, потому что путь для отступления у Черного один. Посчитал орчук, если вдруг и выпадет неприятель из окна, там его угостят двумя десятками пуль. Как бы резок не был Черный, да ежели даже в бронежилете, хоть одна, но сразит. К прочему, наказал Николай Соломонович целиться не в тулово, что защищено могло быть, а по ногам, чтобы прыть всю разом утратил. Очень хотел полицмейстер врага живым взять.

Поднялся до самой двери Мих, глубоко и судорожно вздохнул, стараясь унять бешено стучащее сердце, и на Меркулова, что в двух шагах от него был, обернулся. Господин кивнул, сжал в правой руке револьвер, а левой за перила взялся, дабы оттолкнуться и внутрь рвануть, как только возможность представится. Трость-шпагу внизу оставил, ни к чему она здесь была, не вывернешься, не размахнешься.

Проговорил орчук про себя «Отче наш», одними губами, без слов, да пнул ногой дверь под самый замок. И посерьезнее вещи ломал, обычно, конечно, не нарочно, по случайности, но все же опыт в подобных делах имел. Вот и теперь треснула дверь вместе с косяком, отлетела та в сторону, лишь на нижней петле оставшись. И сразу Мих назад отступил, как оговорено было. А далее все в одно мгновение смешалось.

Едва только нога босая коснулась дерева, как почувствовал орчук воодушевление уже узнаваемое. Даже поворачиваться не пришлось, чтобы увидеть глаза отстраненные полицмейстера, так Мих все понял. Заметил и еще кое-что. У крохотной печи с открытой решеткой сидела темная фигура, завернутая в плащ, а рядом с ней стопка листов. И судя по яркому пламени, бумаге была уготована скорейшая расправа.

Дернулся Черный от удара орка, поколебался, совсем чуть-чуть, взгляд на листки уронив, но все же рванул к окну. Но его нерешительности стало достаточно, чтобы серой тенью ворвалось

внутри нечто, уже у самой стены врага схватившее и отшвырнувшее в сторону. Кувыркнулся Черный, вскочил на ноги и стал напротив Меркулова, окно загораживающего. Тут уже и сам полицмейстер внутри вбежал, выставил пистолет в сторону злоумышленника да стал стрелять.

Многое в своей жизни орчук видел, но подобной прыти никогда. Тем более сказал бы кто, что ежели постараться, то можно от пули увернуться... Таких брехунами обзывают и под ноги плюют. Но все же глаза не вращали. Едва только револьвер на Черного устоялся, бегом с места тот бросился – сначала на спинку кровати наступил, потом двумя шагами по стене пробежал и, падая уже, перевернулся в воздухе близ Меркулова. Хозяин не зевал, пнул противника в грудь, точнее попытался, но извернулся неприятель, вскользь удар приехал. Схватился с Витольдом Львовичем, вернее, так Мих предполагать только мог, ибо замельтешило в глазах, аж тошно.

И Николай Соломонович, к тому времени два раза выстреливший, к ним поспешил, обходя сбоку Черного и давая остальным филерам проход. Будь Мих ростом пониже, так и не увидел всей трагедии разыгравшейся дальше. Дверь-то облепили со всех сторон, да вот только стрелять никто теперь и не думал – не ровен час в Меркулова попадешь. Тем более видно в общем мельтешении, одерживает пристав следственных дел верх, все больше ударов пропускает Черный, все реже удается ему увернуться.

Да забыли про коварство последнего. Уступая в поединке, шаг за шагом разворачивался злоумышленник и вдруг в один миг, будто специально под удар подставился. Прямо в лицо, точнее в маску кулак Витольда Львовича приехал. Загудели одобрительно филеры, прямо как мальчишки, свободнее выдохнул Николай Соломонович, а Черный отправился в недалекое путешествие на пол. Только тут странное и произошло.

Кулачная наука для Мухи никогда трудной не была, замысловатостей в ней не особо много. Либо бей, либо бит будешь. Коли уж хлестнули тебе хорошенько по физиономии, то будь добр упади и лежи. Ежели не сильно втемяшили, головой отряхни, мутным взором округу обойди, а уж потом поднимайся, чтобы дальше получить. По крайней мере, всегда так было. Но у Черного наука своя была, неправильная, не выверенная. Тот, влекомый силой удара, вдруг как гуттаперчевый болванчик оттолкнулся руками, потом, перевернувшись, ногами добавил и выдал такое сальто-мортале, что приземлившись, очутился аккурат за полицмейстером. Ахнуть никто не успел, только Меркулов на пару шагов дернулся, но Черный упреждающе развернул в его сторону Николая Соломоновича, будто куклу тряпичную. Одной рукой он обхватил шею Его высококородия, а в другой неведь откуда взявшийся кинжал прижимал к шее полицмейстера.

– Револьверы опустить.

Никогда прежде не слышал Мих подобного голоса. Негромкий, бесцветный, как вода, неживой. Без говора, будто всю жизнь Черный в Моршане провел, но вместе с тем понятно, что нездешний. Чужой, одним словом, и своей бесчувственностью отталкивающий.

– Опустите или полицмейстер умрет.

Медленно и неохотно послушались злодея филеры, а вместе с ними Витольд Львович. Было видно по Меркулову, что хочет он броситься на обидчика, но не решается. И Черный это понял.

– Не пытайтесь, титулярный советник. Я успею зарезать полицмейстера прежде. Отойдите от окна.

Орчук к тому времени подле самой двери стоял, потому заметил, каким злым стало лицо Меркулова. Никогда господина таким не видел. Желваками играет и чуть ли не зубами скрежещет, но делать нечего. Стал медленно полубоком уходить в сторону замолчавших

филеров, походивших на отару овец, увидевших волка. А Черный теперь напротив, к окну подходит. На остальных и не смотрит даже, не беря в расчет, а с господина взора не сводит. Хотя, не видно глаз за маской, но голова в сторону титулярного советника повернута.

Так и двигались полушагами: медленно, степенно, аккуратно ступая на половицы. Будто в зеркало смотрелись, стараясь движения друг друга повторять. Понятно, Черному затруднительнее это дело – перед собой толкает Его высокородие. Да все несподручно, не с руки, Николай Соломонович ведь повыше пленителя своего будет. Так и танцевали бы дальше, да вдруг полицмейстер, точно споткнувшись, полетел вперед, аккуратно на Меркулова, а следом звон стекла раздался. Только потом понял Мих, что Черный специальным образом толкнул Его высокородие, а сам в окно сиганул.

Заговорили почти одновременно снаружи револьверы, а орчук в который раз порадовался предусмотрительности господина. Ведь сам полицмейстер, который сейчас с пола только на ноги становился с помощью Витольда Львовича, хотел всего пару людей оставить. Теперь наделают дырок в Черном, поболее чем дуршлага. Еще бы умудрился ноги не сломать, он ведь Его превосходительству живой нужен был.

Наступившая следом тишина оглушила, ударила по ушам, будто пушка ядром разродившаяся. Потому голос Меркулова, который уже подле развороченной рамы стоял, прозвучал пугающе.

– Не стрелять!

И был таков. То бишь как стоял, так и выпрыгнул наружу. Несколько филеров, самых бойких, бросились к лестнице, чтобы перехватить Черного, а Мих напротив, внутрь протиснулся, бережно полицмейстера, шею потирающего, оттеснил, да к проему примерился. Тесновато, конечно, но быстрее пути вниз оказаться нет. Люди в засаде еще револьверы перезаряжали, потому выбрался кое-как наполовину из окна, потом ногу перебросил, другую, да и спрыгнул. Филеры сначала вздрогнули, но поняв, что это за дура приземлилась, поспешили дальше пистолетами заниматься. Зачем спрашивается? Даже Витольда Львовича почти не видно, несетя серым пятном вперед, а уж Черного и подавно.

Да только и Мих в беге поднаторел. Вот и теперь шаг, второй, третий сделал и уже несетя подобно локомотиву, единственно что паром не дышит да рельсов впереди нет. Но на пути у орчука лучше не становиться – задел случайно палку, на которой веревка для сушки белья натянута – только треск послышался, ненароком плечом коснулся стены следующего дома – песок кирпичный посыпался. Не бежит Мих – мчится как лошадь на волю пущенная, хотя как раз свободы действий сейчас орчуку не доставало. Места и пространства маловато, возможности нет развернуться, приходится себя сдерживать.

Но кончились дворы, выскочил орчук в проулок, чуть в стену не впечатавшись, заозирался. Справа, по всей видимости, Солоновка, но до нее еще добраться надо. Путь не близкий, а фигур не видать. Слева же, в двух шагах, Краснокаменка. Только странно, ни Подберезкина нет у угла, ни еще одного филера, сюда же приставленного. Только... ботинок.

Похолодело у Миха внутри, несколькими большими шагами расстояние преодолел, выскочил на Краснокаменку и тут все открылось. В стороне с зажатым в руке револьвером, раскинув ноги в разные стороны, лежал тот самый второй, имени которого орчук не знал. А вот рядом с ним, чуть выставив ногу с худым ботинком, для конспирации в нескольких местах дырявым, в проулок, отходил Подберезкин.

Приходилось видеть Миху умирающих людей, не вдоволь, но приходилось. Вот и теперь лишь

взглянув на самого талантливое филера, сразу орчук все понял. Рана на шее оказалась слишком обширна, как ни старался сейчас Витольд Львович сдержать кровь, льющуюся оттуда, но ровным счетом ничего не мог поделать. Странная, наверное, картина. Высокий молодой титулярный советник, если судить по мундиру, пытался тщетно спасти нищего старика. Хорош был Подберезкин в таком деле, настоящий дока: ногти и вправду обломаны да не ухожены, кожа темным натерта, будто в гари, волосы свалены в грязную шапку, одежда, опять же. Единственный просчет вышел с глазами. Слишком они молодые были, встревоженные, жадные до жизни. Цеплялся ими Подберезкин за всякую мелочь, точно веревкой привязать к этому миру себя пытался. И с каждой секундой все быстрее глаза бежали.

- Ну что стоишь?! - Крикнул, обернувшись на него, Меркулов. - За врачом беги!

- Господин... - Замялся Мих.

- Беги, говорю! На Терентьевской клинической больница! Волоком сюда врача тащи!

- Господин, все уже... Преставился.

Меркулов посмотрел на лицо Подберезкина. Тот и правду затих. Кровь еще лилась сквозь пальцы Витольда Львовича, но взгляд филера уставился теперь в одну точку, застыл, будто лежащий об чем-то крепко задумался. Орчук перекрестился: недолго мучался, сердечный.

Витольд Львович уселся рядом на мостовую, вытер окровавленной рукой лоб, несколько не обращая внимания на юшку, и устало посмотрел на Муха. Аж вздрогнул полукровка. Лицо у хозяина молодое, благолепное, ни морщинки, ни пятнышка темного, а вот глаза старческие. Измученный взгляд, истерзанный, обессиленный. Точно сгорает изнутри. Только виду Меркулов не подал.

- Пойдем второго посмотрим, может, жив еще...

Филер, лежащий с раскинутыми ногами, оказался всего лишь в беспамятстве. Прежде чем его привели в чувство и он начал говорить, горемыка испуганно похлопал глазами, смотря то на Меркулова с окровавленными руками, то на бездыханного Подберезкина с развороченной раной на шее. К тому времени подоспел и полицмейстер с остальными. Некто услужливый из филеров достал ведро воды с тряпкой, а орчук уже помог господину умыться - негоже окровавленному людей пугать. Остальные тоже без дела не остались. Один принес большой кусок парусины (сдавалось Муху, что подобный он видел в одном из дворов, пока бежал сюда), второй помчался за извозчиком, тело увезти, несколько сразу стали разгонять набежавших зевак.

Только Витольд Львович ни на что внимания не обращал, вцепившись в выжившего пострадавшего. Рядом стоял Николай Соломонович, явно тоже заинтересованный, но в допрос не вмешивался.

- Постарайся ничего не упустить. Как было?

- Я в проулке стоял, шагах в пяти отсюда, вон там, - указал филер, тут же почему-то потрогав голову. - Заслышали мы сначала, как стекло бьется, потом выстрелы раздались. Ну и стало сразу понятно, что к чему. Револьверы достали, только сделать нечего не успели. Выскочил этот... этот... в плаще, меня так кулаком треснул, и все... Потом уже вас увидел.

- Этот ж какая сила удара должна быть, чтобы на пять шагов отбросить? - Удивился нахмуренный полицмейстер. Было видно, что он крайне раздосадован сорвавшейся операцией,

если не сказать больше, но пытался бодриться. – Да тут и больше пяти.

– По моему опыту, Черный способен и не на такое. – Ответил ему Меркулов и вновь повернулся к пострадавшему. – Как вы себя чувствуете? Голова кружится? Тошнит?

– Да, и кружится, и тошнит, – ответил филер.

– Ему надо к врачу, – вновь повернулся к полицмейстеру титулярный советник, – по всей видимости, головотрясение.

– Ребехин, Куйко, – негромко произнес Николай Соломонович, но подчиненные будто выросли перед ним из-под земли.

Его высокородие отдал приказы относительно пришибленного, того бережно подняли под руки и отвели в сторону. Витольд Львович тем временем выпрямился и потер темя, явно над чем-то задумавшись.

– Он вас знал, – обратился Меркулов к подошедшему Николаю Соломоновичу.

– Кто?

– Черный. Он сказал: «Отпустите или полицмейстер умрет».

– Да меня много кто в городе знает, все-таки Истомин не последний человек. Или вы меня в чем-то подозреваете?

– Теперь нет, – честно признался Меркулов, – раньше да. Черный действительно мог вас серьезно поранить, вон даже след остался. – Указал он на свежий порез, еще подернутый сукровицей. – Тем более если бы и вправду были замешаны, то не стали рисковать жизнью своих людей здесь, не выставили подчиненных под окнами, одним словом, дали Черному спокойно уйти. Нет, вы ему ничего не сообщали.

– А кто-то сообщал?

– Конечно. Вы видели, чем он занимался, когда мы ворвались?

– Сжигал бумаги, – только теперь вспомнил Николай Соломонович.

– Кто-то ему сообщил, что мы вскорости прибудем. Кто-то, кто об этом знал. Но Черный не успел уничтожить все свидетельства. Вы на квартире людей оставили?

– Обижаете, Витольд Львович. Конечно, оставил.

– Тогда стоит взглянуть на найденное. Может, что интересное обнаружим... Мих, пойдем.

А орчук и без того уже подле хозяина был. Чуть ли не вперед убежал. Полицмейстер последние указания раздал и с ними последовал. Вроде, времени мало прошло, пока Мих бежал по дворам, а вот пешим ходом да не в горячке боя оказалось, что далече нужный дом находится. Подле него, у самого подъезда, дежурил уже человек в форме, а рядом деловито сновали остальные ребята из их ведомства. Знал орчук: это особая группа, которая до определенного момента сидела далеко в засаде.

Их пропустили, не произнеся ни слова. Лишь один из филеров, что толкались тут же, завидев Витольда Львовича, подошел и вручил тому трость, которую на его попечении оставили. Отдал

торопливо, точно она жгла ему руки, опасливо глядя на рукоять. Не иначе как шпагу вытаскивал.

Меркулов поднялся на второй этаж, остановился у выломанной двери, оглядел все и к орчуку повернулся.

- Мих, пока не заходи. Ненароком затопчешь что.

Полукровка насупился. Тоже ему хотелось посмотреть, что там да как. А со стороны площадки, где квартиры расположены, в мельчайших деталях все не рассмотришь. Поглядел на ножища свои, ну да, больше обычной человеческой ступни, так он же с разумением, аккуратно мог пройти.

Полицмейстер вместе с Меркуловым подошли к печке, теперь почти не горящей, и подняв с пола разброшенные листки, стали их изучать.

- У меня чертеж какой-то. Непонятный. И заметки к нему на гоблинарском, - повернул голову вбок полицмейстер, пытаясь нечто разобрать.

- Позвольте, - присоединился к нему Витольд Львович, - и вправду чертеж некоего аппарата. Только непонятно, к чему его применить можно. А вот эти заметки, по всей видимости, меры длины.

- А у вас что?

- У меня намного интереснее. Насколько я понимаю, это план помещения. Чтобы мы не гадали, тут даже подписано сверху.

- «Первый императорский музей, галерея драгоценностей №2», - побагровел полицмейстер.

- И написано, как вы видите, на славийском. Есть еще общий план.

- Откуда же он все это взял?

- Не догадываетесь все еще, Николай Соломонович?

- Про сообщника я давно понял. Меня смущают разговоры о наушничестве. О самой операции знали всего несколько человек, мои филеры да группа помощи не в счет. Им в самый последний момент сообщили, и на виду все были.

- Думаю, тут задействованы чины повлиятельней.

- Я даже знаю кто, - налились злобой глаза полицмейстера.

- Не поделитесь? - Полюбопытствовал Витольд Львович.

- Хитрый лис Никифорыч. Появился тут, месяца не прошло, как Его превосходительство каждое слово ловить стал как истинно верное. Все думают, провинциал, человек с низших чинов до самого полицмейстера поднявшийся, а я его подлую душонку насквозь вижу.

Задохнулся от ненависти Николай Соломонович. А Мих вспомнил слова Петра Андреевича о былом фаворе бравого «гусара», которого тот вмиг лишился после появления в Моршане Константина Никифоровича. Были у Истомина все шансы не любить вновь прибывшего. Тут все так просто, что даже орчук догадался. Кто ближе всех к Александру Александровичу, тот

после отставки старика и первым человеком в ведомстве станет. А Его превосходительство давно уже не мальчик.

- В чиновничестве нет ничего предвзятого. К слову, хочет ли человек выслужиться или действительно уважает того, кто над ним стоит. Это, знаете ли, еще не преступление.

- Прошу прощения за свою несдержанность, - пришел в себя полицмейстер. - Я не имел право так говорить о моем... коллеге. Скажите лучше, - постарался перевести он разговор в другое русло, - у вас есть какие-нибудь мысли, как найти этого Черного?

- Пока никаких, - признался Меркулов, - нужно хорошенько подумать и изучить найденное, прежде чем предпринимать дальнейшие действия. Очень уж ловким человеком оказался этот Черный, прямо неуловимый.

- Так, да не так, - покачал головой полицмейстер. - Не человек он, да и не прочий.

- Что вы хотите сказать?

- Есть у Истоминых помимо дара внушать отвагу и оборотная сторона. Через нее мой дед в одиночку плененный из самого Майдара сбежал и до Мглина добрался.

- Ваше высочество, не томите.

- Постараюсь вкратце. Я говорил вам, что на существ, людей или прочих, без всякой разницы, но дружелюбно настроенных, а это самое важное, магия действует воодушевляюще. На врагов же, напротив...

- Удручающим действием?

- Именно, вроде апатии. Только все очень сложно. Число существ, на которых Истомин воздействует положительным или отрицательным образом, всегда не должно превышать определенного количества.

- И каково же ваше число?

- Девятнадцать, - признался Истомин. - А вот теперь подумайте. Всего в штурмовой группе было семь филеров, плюс вы и орчук. Всего получается девять. Те, что под окнами, не в счет. Магия действует лишь на тех, кого я вижу.

- Понимаю, - забарабанил Меркулов пальцами по рукояти трости, - магия должна была подействовать на Черного негативным образом.

- Но не подействовала, - чуть ли не шепотом подтвердил Николай Соломонович.

- Тогда действительно странно, - впервые признался Витольд Львович в своей беспомощности.

- Кто же тогда Черный?

- А что тут понимать. Этот Черный не человек и не прочий... он нечто.

Черный плащ с шуршанием коснулся стены. Увидел бы кто со стороны - рассмеялся, вот учудил блаженный. Полез за чужим добром в полицмейстерство, таких воров преглупых даже среди транкльванийцев нет, а уж последние умом точно не хвастаются. То, что это тать, сразу

ясно. Кто еще через окно влезть пытается?

Только никто не рассмеялся, не удивился и не закричал. Выждал незнакомец удачный момент, когда в Столешниковом переулке ни души не было, да бросился, будто заправский циркач, наверх карабкаться по водосточной трубе. Правда, было видно, что сил у него немного, чуть не сорвался окаянный несколько раз. Уже наверху он не без труда влез в распахнутое окно и тут же задержал его плотной шторой.

Хорошо, что не проходил мимо никто, иначе бы непременно услышали сердитый голос, по всей видимости, хозяина комнаты или кабинета.

- Ты какого черта здесь?! - И уже тише, вдруг поняв, что их могут услышать. - Чего здесь делаешь?

Черный поправил штору, чтобы внутрь теперь не проникал ни один даже малейший лучик солнца, и сел как был, прямо на пол, почему-то ощупывая себя.

- Мне некуда идти. Они сейчас у меня.

- Я же тебя предупреждал!

- Слишком мало времени, я не успел все уничтожить! Не успел собрать вещи!

- Бестолочь, все ведь сделал, чтобы ты ушел... Ладно, что теперь?

- Надо залатать раны, в меня немного попали.

- Твой хозяин говорил, что тебя нельзя убить.

- Каждого можно убить, если знать как, - спокойно ответил Черный, - но можете быть покойны, сердце они не задела. Оно слишком хорошо защищено. Все же для полной поправки необходимо время.

- Время, время, его как раз и нет. Меркулов точно по пятам за тобой идет.

- У него нет ниточек ко мне. Пусть он знает, кто убил Логофета и ограбил музей, но на этом все.

- С этого пса станется. Недооценивал я его, не думал, что так ловок окажется.

- Дайте пару дней, я смогу пробраться к нему ночью и...

- Черт тебя дери, как ты не поймешь, нужен он. С этой святыней тут такая заваруха началась, не получится теперь сухим из воды выйти. А эдакий козел отпущения всегда под рукой должен быть. Подумай только, сын изменника, без году неделя в полицмейстерстве, оказывается замешан в таком громком деле. Никто и носом не поведет, тем более друзей у Меркулова нет почти.

- Аристов, - вымолвил одно слово Черный.

- Что Аристов?

- Вы его подставили. Вряд ли он питает к вам нежные чувства.

- А что мальчишка видел? Ничего. Дело свое он сделал. Будет упрямять, себе хуже сделает. Аристов не допустит, чтобы все открылось.

- Одно но, когда Меркулова схватят, то великий князь будет допытываться у него, где на самом деле святыня, - при этих словах Черный засунул палец пониже груди, нащупывая в себе дырку.

- Это дело не одного дня. Понятно, что первое время он будет отпираться, но кто в то поверит? Подумают лишь о его злокозненности. Представляешь, что с Витольдишкой газеты сделают? Они такого Асмодея из него раздуют, любо-дорого посмотреть. А я уж напоследок тому поспособствую. Думаю, на днях уже надобно обставлять дело с Меркуловым, слишком, каналья, далеко залез. Ну что молчишь, дубина, думаешь рискованно все это?

- Мне надобно лишь получить святыню и переправить ее хозяину.

- Вот именно что. А на мое благополучие тебе плевать, потому я ее и не отдаю. Почитай, сейчас все на карту поставил: жизнь, карьеру, дальнейшее свое будущее.

- Вам за то платят, причем очень хорошо.

- Не твоего ума дело, как мне платят, олух. Тебе наказали способствовать, ты и помогай, а не мудрствуй. Вон до чего дошло, среди бела дня ко мне заявился.

- Мне некуда идти. Нужно укрытие, - только и сказал Черный.

- Есть одно место, но туда можно попасть только ночью. Где же тебя спрятать до тех пор?

В переулке послышался шум подъезжающего экипажа, стукнули о мостовую каблучки, раздались голоса. Полицейский чин подбежал к окну, выглянул, и на мгновение в свете дня озарилось его лицо - но тут же отпрянул в темноту.

- Проклятый Меркулов! Уже тут.

- Мне приходилось останавливаться, чтобы не привлекать внимание, - стал оправдываться Черный, однако без особого усердия.

- Да заткнись уже. Представляешь, что будет, войди кто-нибудь сейчас в комнату?

- Я могу выброситься из окна, сил еще достаточно. Постараюсь убежать.

- Чтобы все видели, откуда ты выкинулся, дурья башка? Погоди...

Полицейский чин подбежал к сундуку, такому, каков есть в любом кабинете сыскаго ведомства даже у самого последнего коллежского секретаря, открыл его, обвел взглядом и повелительно указал рукой Черному.

- Полезай!

Незванный гость с сомнением оглядел собеседника, но поняв, что тот не шутит, приказанье все же исполнил. С удивительной ловкостью заправского гимнаста он сложился внутри чуть ли не втрое, прижал голову к груди и со спокойствием, точно не было у него ровно никаких ранений, замер. Крышка захлопнулась, и полицейский чин с некоторой дрожью провел по дереву рукой, явно пытаясь успокоиться и взять себя в руки.

Не без дрожи подошел к окну, отдернул шторы, искоса взглянул на вылезающего из экипажа

вслед за Меркуловым орчука и ненавистно сдвинул брови. Терпеть выскочку-аристократа осталось совсем недолго.

<http://tl.rulate.ru/book/9351/185131>